

«МЫ В БОЯХ ЗАЩИЩАЛИ

СУПРУГОВ ПИНТЕЛИНЫХ ЧИНОВНИКИ УПОРНО ОТКАЗЫВАЮТСЯ ПРИЗНАТЬ НУЖДАЮЩИМИСЯ В УЛУЧШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ, ХОТЯ СВОЕГО ЖИЛЬЯ У ВЕТЕРАНОВ НЕТ

Анатолий Павлович и Елизавета Захаровна Пинтелины — фронтовики, оба были тяжело ранены, прекрасно знают, что согласно указу президента РФ все ветераны, нуждающиеся в жилье, должны быть им обеспечены. Об этом рассказывают в СМИ, особенно в преддверии военных праздников. Власть имущие упорно твердят, что «никто не забыт и ничто не забыто», что обо всех, мол, помним, всем помогаем. Одного не могут понять супруги Пинтелины (жена — старшина медицинской службы, муж — подполковник в отставке): почему им, уже шестнадцать лет живущим в Петербурге и не имеющим не то что своей квартиры, но даже комнаты, отдельное жилье не положено. У Пинтелиных набралась большая папка переписки с чиновниками всех рангов. И везде — категорический отказ. За помощью фронтовики Пинтелины обратились в «Общественную приемную Балтийской медиа-группы».

«Я НЕ ОСТАВИЛА НА ПОЛЕ БОЯ НИ ОДНОГО РАНЕНОГО»

Автор этих строк пришла в однокомнатную квартиру на улице Веденеева, где проживают и прописаны супруги Пинтелины. Квартира принадлежит их внуку. Своего жилья у них не было и нет.

Елизавета Захаровна достает папку с фотографиями, начинает рассказ о военном лихолетье.

— Я родом из Одесской области. Село Павлово Фрунзенского района. Родилась в 1924 году, так что в следующем году мне уже 90 лет будет. Школьницей мечтала о профессии врача, хотела спасать людей. В 1939 году поступила в Тираспольское медицинское училище. Думала: вот закончу и пойду в медицинский институт. Но этой мечте — получить высшее медицинское образование — не суждено было сбыться, — вздыхает Елизавета Захаровна. — В декабре 1941 года нас, девочек молоденьких, — мне семнадцать только было, на фронт отправили. Посадили в теплушки и повезли. Куда — не сказали. Оказалось, в сторону Новороссийска. Высадили и — на передовую. Построили нас, объяснили, что главная наша задача — раненых с поля боя вытаскивать. Оказать первую помощь и вытаскивать. Причем предупредили: если хотя бы одного раненого оставите, вас расстреляют. Я за всю войну ни одного раненого на поле боя и не оставила. И не только из-за того предупреждения. Это же не по-советски было бы, не по-человечески, чтобы беспомощного бойца оставить. Вот и утрем ползешь в траве, чтобы тебя враг не заметил, к раненому, перевяжешь и тащишь к своим.

В 1942 году 83-й отдельной бригаде морской пехоты, в составе которой воевала Елизавета Захаровна, нужно было уходить от врага через Керченский пролив.

— На катерах переправляли оружие, люди же перебирались вплавь. Я плавать не умела вообще. Откуда? В моей родной деревне под купанием подразумевалось ведро воды из колодца, которое выливаешь на себя в жару. Стою на берегу и плачу. Плыть не могу и остаться на берегу — не могу, немцы идут, — вспоминает Елизавета Захаровна. — Увидели мои слезы три моряка: «Чего ревешь-то?» Я сказала. Они: «Ничего, давай садись в бочку, и мы по очереди будем бочку по воде толкать».

Что было делать? Елизавета Захаровна согласилась. Села в бочку — как царевич с царицей из «Сказки о царе Салта-

И вновь она вытаскивала раненых с поля боя.

— Как-то тяну-тяну раненого, большой боец, тяжелый, сил у меня больше нет, на колени встала, тяну. И раз — кровь у меня из левой руки хлынула, я практически и не почувствовала, как меня ранило. Все равно тяну бойца. Опомнилась, когда уже до расположения дотянула, — вспоминает она.

Это было первое ранение, от которого остался шрам. Потом было второе — в бедро.

— А знаете, я ведь как-то и немца спасла. Перевязываю я нашего связиста и вижу: неподалеку немец раненый лежит. И связист его видит. Говорит: «Сестрен-

пленным — не знаю. Думаю, что все нормально. Ранение не фатальное было, выжил, а потом же пленных в Германию возвращали. Может, коли до сих пор жив, и поныне меня добрым словом вспоминает, — улыбается Елизавета Захаровна.

За храбрость в ту страшную войну Елизавету Захаровну наградили орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией».

КАК ДВА ФРОНТОВИКА ВСТРЕТИЛИСЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ И ПОЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА

Но было и третье ранение, в 1944 году, в конце апреля...

— Штурмовали Сапун-гору в Севастополе. И осколок авиабомбы раздробил мне лобную кость, выбил глаз. Я не поняла, как это все и произошло. Все, что запомнилось, — боль и темнота, и я кровью истекаю. Тогда много крови потеряла. Потом наши бойцы все на виноградники ходили, выменивали на папиросы виноград для меня. Чтобы гемоглобин поднять, — вспоминает Елизавета Захаровна.

Тяжелораненую медсестру отправили в госпиталь. Спасли чудом. Спасли жизнь, но кругом для Елизаветы Захаровны была одна темнота. Одного глаза не было, второй — не видел. И темнота продолжалась 11 месяцев. Одиннадцать страшных для молодой медсестры месяцев, когда никто не мог сказать, будет ли она когда-нибудь видеть. И все-таки еще одно чудо произошло: оставшийся глаз снова стал видеть. Но в зеркало лучше было и не смотреться... Кому она, инвалид, теперь будет нужна? Мужчины после войны — наперечет, и красивых девушек, с двумя глазами, сколько угодно. Не зря ли ее спасли врачи?

И тут свершилось еще одно чудо! Главное чудо в ее жизни. На улице Тирасполя к ней подошел очень красивый военный. И — предложил стать его женой. Елизавета Захаровна сначала и не поверила.

— Что ты, не видишь, какая я? Это я все его, Анатолия Павловича, переспрашивала, — говорит Елизавета Захаровна. — Но он упрямый был, говорил, что хочет именно на мне жениться. Уговорил в конце концов. 11 мая 1946 года пошли в загс Тирасполя, расписались, без всякой свадьбы. И живем вместе 67 лет! За все эти годы он мне хоть бы раз намекнул что про ранение! Никогда! И никогда не пожаловался, что я что-то не успела стоговить, что-то постирать! И вы не поверите: обшивал он всю семью — и меня, и детей. Даже нижнее белье для меня шил. А когда им в части давали материал на форму и деньги, чтобы отдали шить, так он сам эту форму и шил. Доставал старый мундир, распарывал и по этому образцу кроил мундир новый. Чтоб деньги сэкономить на семью. Мы же долгое время очень бедно жили. Даже в 1947 году еще приходилось жмык есть.

— Талант портновский, наверно, у меня по наследству, — вступает в разговор Анатолий Павлович. — Дядя у меня портной был, хороший портной. Вот я и перенял мастерство у него, видеть.

Судьба не баловала Анатолия Павло-

Семейный стаж супругов Пинтелиных — 67 лет!

не», бочку снесли в море, и трое моряков поплыли, толкая бочку перед собой.

— Уж не знаю, как доплыли мы под артиллерийским огнем. Километров пять, наверное, было. Те ребята мне жизнь спасли, — говорит Елизавета Захаровна.

ка, не волнуйся, я сам доберусь, иди вот немца перевяжи. Ну не своей он волей воевать пошел, помоги ему». Подползаю к немцу, он руками машет, показывает, что нет у него оружия. Перевязала, в часть доставила. Что уж дальше с этим